

Становая Лидия Анатольевна
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
lida_stan@mail.ru

Старофранцузское именное склонение – реальность или иллюзия?

Аннотация

В статье рассматривается история создания теории старофранцузского именного склонения, которая, несмотря на критику и убедительные аргументы, доказывающие её ошибочность, остаётся непоколебимым постулатом истории французского языка. Целью исследования является верификация теории старофранцузского склонения на основе сопоставления и критического анализа аргументов и фактов, полученных в истории французского языка в течение 200 лет эмпирических исследований. Проведённый анализ показал, что мнение о реальности склонения основано на наличии во французских рукописных текстах IX–XV вв. вариативных графических форм на -s / без -s, необоснованно отождествляемых с грамматическими и трактуемых как падежные. Отклонения от сформулированного Фр. Рейнуаром «правила s» считаются «ошибками», обусловленными прогрессивным разрушением склонения во французских диалектах в течение XI–XV вв. Мнение об иллюзорности именного склонения, впервые высказанное Фр. Гессаром и Фр. Жененом, подтверждается результатами эмпирических исследований XX–XXI вв. Представлены следующие доказательства отсутствия старофранцузского склонения как действующей грамматической системы: нулевая функциональная значимость падежных форм и склонения в целом; отсутствие грамматических форм прямого падежа, регулярно выражающих грамматическое значение прямого падежа и противопоставленных соответствующим формам косвенного падежа на уровне языка и речи; ограниченность и лакунарность склонения; отсутствие регулярных типов и парадигм склонения, чётких границ между «склоняемыми» и «несклоняемыми» именами; доходящее до 100% количество «ошибок в склонении». Вариативность графических форм на -s / без -s во французских рукописных текстах представляет сугубо графическое явление, связанное с разными скриптуральными нормами оформления имени. Наличие рукописных текстов, выполненных в одной и той же диалектной зоне, но различающихся по типу графического оформления имени, не подтверждает истинность диалектной теории склонения.

Ключевые слова: история французского языка, историческая грамматика, именная система старофранцузского языка, функциональная значимость, оппозиции форм

© Становая Л. А. 2021

Для цитирования: Становая Л. А. Старофранцузское именное склонение – реальность или иллюзия? // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 112–134. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_112_134

Lydia A. Stanovaïa
Herzen State Pedagogical University of Russia
St Petersburg, Russian Federation
lida_stan@mail.ru

Old French nominal declension – reality or illusion?

Abstract

The article examines the Old French nominal declension theory, which, despite criticism and convincing against arguments, remains a postulate of the French language history. This study aims to verify the theory based on comparison and critical analysis of arguments and facts obtained from the history of French during 200 years of

empirical research. The analysis showed that the opinion about the declension reality is based on variable graphic forms with -s / without -s present in the 9–15th c. French manuscripts unreasonably identified as grammatical and treated as case forms. All deviations from the formulated by Fr. Raynouard's «s rules» are considered «errors» resulting from the progressive destruction of declension in French dialects during the 11–15th c. The illusory nature of the declension, first mentioned by Fr. Guessard and Fr. Génin, was confirmed by empirical studies of the 20–21th c. The article presents the following evidence of the absence of the Old French declension as a valid grammatical system: zero functional significance of case forms and declension in general, the absence of grammatical forms of the direct case regularly expressing the grammatical meaning of the direct case and opposed to the corresponding forms of the indirect case in language and speech, limitation and lacunarity of declension, covering a small part of nouns, adjectives, articles, etc., the absence of regular types and paradigms of declension, no clear boundaries between «declinable» and «non-declinable» names, up to 100% of «errors in declension». The variability of graphic forms with -s / without -s observed in French manuscripts is a purely graphic phenomenon associated with different scriptural standards (analogical or etymological type of graphic design of the name). The presence of manuscripts made in the same dialect zone, but differing in the type of graphic design disproves the dialect theory of declension.

Keywords: history of the French language, historical grammar, nominal system of Old French, functional value, patterns opposition

© Stanovaïa L. A. 2021

For citation: Stanovaïa, L. A. Starofrantsuzskoe imennoe sklonenie – real'nost' ili illyuziya? [Old French nominal declension – reality or illusion?]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 112–134. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_112_134

1. Введение [Introduction]

Положение о наличии старофранцузского двухпадежного именного склонения остаётся непоколебимым постулатом истории французского языка. Несмотря на то, что критика теории именного склонения началась уже в XIX в. и активно продолжилась в XX–XXI вв., ни в классической «Истории французского языка» Ф. Брюно [Brunot, 1973, p. 179–184], обобщившей исследования XIX в. (первый том, описывающий историю французского языка от романизации до Возрождения, вышел в 1905 г.), ни в «Большой исторической грамматике французского языка» [GGHF, 2020, p. 632–646], декларировавшей необходимость обобщения исследований XX–XXI вв., нет и намёка на существование иных точек зрения.

Так, Ф. Брюно категорично заявил, что существование именного склонения бесспорно (*hors de toute contestation* – здесь и далее перевод наш – Л. С.) и что оно, хотя и вызывает много вопросов, составляет основу синтаксиса старофранцузского языка [Brunot, 1973, p. 173]. Л. Шеслер, кратко обозначив некоторые проблемы из множества накопившихся за 200 лет исследований, столь же категорично указала, что склонение было во всех диалектах, но регулярно соблюдалось в северных и северо-восточных, а во всех остальных было слабым, неустойчивым (*fragile*), начиная с первых текстов [GGHF, 2020, p. 639].

Между тем, именно непрекращающаяся критика теории именного склонения обусловила появление в XXI в. новых исследований имени в старо- и среднефранцузском [Глухова, 2001; Кочубей, 2011; Grübl, 2015; Völker, 2003] и старо- и среднепровансальском [Chambon, 2003; Sibille 2003] языках, а разные взгляды учёных на наличие / отсутствие именного склонения стали материалом для критического анализа всех теоретических и методологических принципов традиционной и создающейся в настоящее время «новой» истории французского языка.

Так, Кл. Грюбль [Grübl, 2015] связал мнение о наличии старофранцузского склонения с «натуралистской» (*naturaliste*) и «оралистской» (*oraliste*) теоретической концеп-

цией, основанной на интерпретации письменных (рукописных) текстов как прямого отражения устной звучащей речи эпохи, а мнение об отсутствии склонения – со «скриптуралистской» (*scripturaliste*), строго разделяющей устную и письменную формы речи, диалект и скрипту. Дискуссии по эволюции именной системы от латинского языка к французскому стали для Р. Сорникола [Sornicola, 2007] базой для размышлений над основными теоретическими идеями общего и романского языкознания XIX–XXI вв. и их использованием в исторической лингвистике.

Наши исследования убедили нас в отсутствии регулярной системы именного склонения в старофранцузском языке. Поэтому, занимаясь различными вопросами эволюции именной системы французского языка, мы всё время пытались выявить причины, по которым теория Фр. Рейнуара о старофранцузском именном склонении сначала мгновенно, без каких-либо дополнительных исследований и доказательств, стала необыкновенно популярной, а затем настолько авторитетной, что, несмотря на критику и убедительные аргументы, доказывающие её ошибочность, получила фактически статус аксиомы.

К сожалению, наше изучение истории создания и развития теории склонения *ab ovo* не дало однозначного ответа. Вопрос о том, как создаются подобные научные теории, остался риторическим.

Однако проведённый анализ выявил очевидные различия в подходах и методах диахронических исследований французского языка. Причины создания теории именного склонения не ограничиваются «оралистским» представлением о том, что буква равна звуку и что письменные (рукописные) тексты адекватно и полно отражают все особенности старофранцузского узуса. Главным препятствием к решению этой и других спорных проблем истории французского языка является, по нашему мнению, «атомарное» (термин Л. М. Скределиной) изучение эволюции отдельных форм и их употреблений, свойственное в целом сравнительно-исторической и младограмматической истории французского языка, а также «теории языковых изменений», сформулированной в последние годы в рамках «новой» истории французского языка.

Наши теоретические и методологические принципы изучения истории французского языка включают не только последовательное разделение письменных и устных форм речи, текста произведения и текста рукописи, диалекта как регионального (диатопического) варианта языка и скрипты как регионального (диатопического) варианта письменности, но и – что особенно важно – действительное, а не просто декларированное, признание дихотомий «язык – речь» и «синхрония – диахрония», разработанных в структурно-функциональной лингвистике (подробнее см. [Скределина, Становая, 2005 ; Становая, 1996]).

Как показал наш анализ, именно отсутствие системного подхода в изучении именных частей речи, выявлении грамматических форм падежа и числа, установлении типов и парадигм склонения и всей системы именного склонения в целом, обуславливает стойкость теории старофранцузского склонения.

Ц е л ь ю настоящей работы является верификация теории старофранцузского именного склонения на основе сопоставления и критического анализа аргументов и фактов, полученных в истории французского языка в течение всех 200 лет эмпирических исследований. Основное внимание уделено преемственности идей филологов XIX в. и лингвистов XX–XXI вв., поскольку, по нашему мнению, такой синхронно-диахронный анализ позволяет установить основные достоинства и недостатки любой спорной теории.

2. Создание теории именного склонения [Creation of the nominal declension theory]

Создание теории двухпадежного именного склонения в старофранцузском языке начинается с работ Фр. Рейнуара, который сначала [Raynouard, 1816] выделил формы

падежа подлежащего (*cas sujet*) и падежа дополнения (*cas régime*) в «романском» языке, а затем [Raynouard, 1821] и в старофранцузском.

Следует добавить, что Фр. Рейнуар полагал, что не собственно латинский язык лежит в основе формирования современных романских языков, а так называемый «романский язык» (*langue romane, langue romane primitive, rustique*), представленный, по его мнению, например, в тексте «Страсбургских Присяг» (*les Serments de Strasbourg*). Этот «романский язык» наилучшим образом сохранился на юге Франции, в провансальском языке трубадуров, а на севере, напротив, существенно изменился, сохранив при этом название «*langue romane*».

Фр. Рейнуар считал, что, начиная с VI в., латинские существительные и прилагательные, утратившие все свои окончания (*désinences caractéristiques*), перестали склоняться. Поэтому новый «романский» язык создал, во-первых, артикли – «смелое и удачное новшество» (*nouveauté aussi hardie qu'heureuse*), а во-вторых, новые падежные формы, позволяющие различать подлежащие и дополнения «простым и гениальным способом» (*une méthode aussi simple qu'ingénieuse*), а именно – присутствием или отсутствием конечного *-s*. Новое склонение обладало двумя ценными достоинствами: 1) «неизменная ясность» (*une clarté inaltérable*), поскольку окончания позволяют сразу отличить подлежащие от дополнений; 2) «изящество и достоинство инверсий» (*la grâce et le mérite des inversions*), которые, нисколько не мешая ясности, могут произвести более совершенное и эффектное впечатление [Raynouard, 1816, p. 40–50].

Важно подчеркнуть, что, по мнению Фр. Рейнуара, речь не идёт ни о частичном сохранении латинского склонения, ни о его перестройке или продолжении в виде двухпадежного старофранцузского и старопровансальского склонения, но о совершенно новой системе, которая ранее нигде не существовала (*qui n'a existé dans aucune autre langue*) и которая касалась только имён существительных, прилагательных и притяжательных местоимений. Напротив, формы артикля (*Sing. el, lo, la; Plur. els, li, los, il, las*) и указательных местоимений (*cil, cist, icil, cel, celui, cest, etc.*) не различались по падежам в «романском» языке [Raynouard, 1816, p. 40–54].

В последующих работах [Raynouard, 1821, 1836], Фр. Рейнуар развил и дополнил как теорию нового «романского» языка, сравнив шесть романских языков (провансальский, или окситанский, французский, испанский, португальский, итальянский, валахский, или старорумынский), так и теорию нового именного склонения, представив примеры падежных форм старофранцузских и старопровансальских существительных и прилагательных. Именное склонение существовало во французском языке до XV в., а в XVI в. его уже не было [Raynouard, 1821, p. 363].

Теория Фр. Рейнуара была с восторгом воспринята большинством филологов XIX в., и с этого момента анализ именного склонения стал обязательной частью изучения старо- и среднефранцузских текстов. Описание склонения постоянно уточнялось и дополнялось, поэтому, одновременно с новыми исследованиями, начались споры относительно всех особенностей его функционирования и разрушения. Более того, сразу же появилось мнение об отсутствии именного склонения как в старофранцузском языке, так и в старопровансальском.

3. Развитие теории именного склонения

[Development of the nominal declension theory]

Г. Фалло [Fallot, 1839], изучая особенности французских диалектов XIII в., с вполне понятным извинением начинающего учёного перед членом и секретарем французской Академии, добавил в теорию Фр. Рейнуара склонение артиклей и всех местоимений, а также связал все старофранцузские формы с соответствующими латинскими этимонами.

Таким образом, вопреки мнению Фр. Рейнуара, но в соответствии с общей теорией Фр. Дица [Diez, 1874, 2, p. 3], Г. Фалло установил преемственность между латинским и старофранцузским склонением. В дальнейшем, эта преемственность уже не вызывала сомнения у большинства историков французского языка, описывавших старофранцузское склонение как «остатки» латинского [Доза, 1956, с. 271–273; Катагощина, Васильева, 1997, с. 34–36; Шишмарев, 1952, с. 33; Brunot, 1973, p. 179–186; GGHF, 2020, p. 640–642; Littré, 1863, 2, p. 436; и др.].

Г. Фалло подробно описал особенности фонетических и «орфографических» (так у Г. Фалло – Л. С.) форм существительных в прямом падеже (*cas sujet*, далее – ПП) единственного числа (далее – ед. ч.), которые получались в результате присоединения конечного *-s* к разным именным основам. Эти формы различались как по трём выделенным им диалектам (пикардский, бургундский, нормандский), так и внутри каждого из диалектов, представляя бесчётное множество написаний одного и того же существительного даже в одном и том же тексте [Fallot, 1839, p. 68–174].

Важно отметить, что Г. Фалло, после тщательного анализа встреченных форм, честно заключил, что во многих, даже «хороших» рукописях XIII–XIV вв., содержится большое количество вариативных и просто ошибочных форм ПП. Нисколько не сомневаясь в существовании склонения, Г. Фалло объяснил отличие своих данных тем, что Фр. Рейнуар изучал более старые тексты, а потому представляющие более «правильный узус» (*le bon usage*). Если в «старые времена» (*les temps anciens de la langue*) формы ПП ед. ч. были регулярными, их употребление отвечало «правилу *s*» (*la règle de l's*), а написание с «буквой флексии» (*lettre de flexion*) *s*, *z* или *x* – правилам написания, ранее установленным в каждом диалекте, то затем, приблизительно к середине XIII в., правила смешались, и переписчики, путаясь в формах, забывали написать то флексию, то согласную основы. В дальнейшем эти ошибки повлекли за собой забвение «старых правил» (*les règles anciennes*), а смешение диалектов и резкое увеличение количества переписчиков, неспособных эти «старые правила» понимать и правильно применять, вызвали «путаницу и беспорядок» форм (*confusion et désordre*) в текстах, начиная со второй половины XIII в., когда выбор написания уже более ничем не регулировался, кроме как «капризом» переписчика (*un caprice absolu*). Между 1260 г. и 1280 г. произошло забвение «старого узуса» и «старых правил», а в XIV в. – их полное забвение и установление «новых» [Fallot, 1839, p. 98, 161–163, 171–174, 451].

Важно отметить, что Г. Фалло фактически разделит употребление падежных форм в речи, т. е. реальный языковой узус, и особенности их написания в разных районах, в разное время, разными переписчиками, т. е. различия скрипт. Хотя он и не сделал однозначного вывода об отсутствии склонения во французском языке XIII в., тем не менее очевидно, что описанные им «путаница и беспорядок» форм характерны для многих рукописей XIII в.

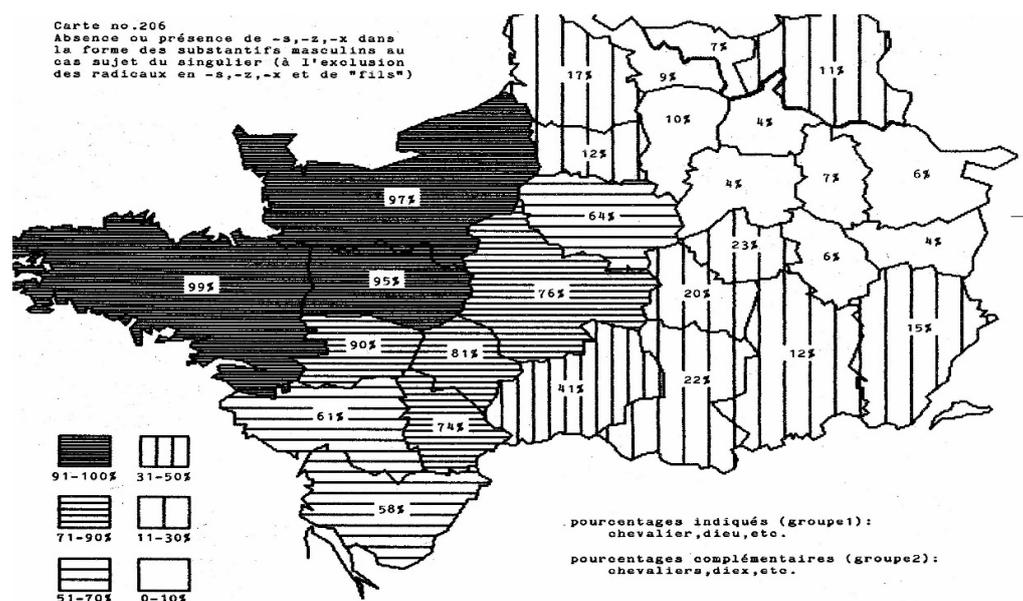
Впоследствии лингвисты XX в. пытались навести порядок в этой «путанице и беспорядке» форм: связывая «ошибки» в употреблении «правила *s*» с разрушением склонения, они стремились, но безуспешно, установить факторы, способствующие их появлению (подробнее см. [Голубенко, Становая 1985; Buridant 2019, p. 88–91; Schøsler, 1984; Stanovaia, 1993] и др.).

Уточним, что под «ошибками в склонении» обычно понимается употребление форм косвенного падежа (*cas régime* – далее КП) вместо форм ПП. Обратное употребление, т. е. форм ПП вместо КП, называемое также «ошибками гиперкоррекции», встречается значительно реже, в основном, в пикардских рукописных текстах.

Установленная Г. Фалло связь между количеством «ошибочных» падежных форм и различиями старофранцузских диалектов нашла своё продолжение в известной диалектной теории, представляющей разрушение именного склонения как процесс, после-

довательно проходящий в течение старо- и среднефранцузского периодов, сначала в западных, затем в центральных и восточных диалектах, начиная с конца XI в. [Доза, 1956, с. 275 и др.], или с XII в. [Шишмарев, 1952, с. 41; Brunot, 1973, p. 336; Buridant, 2019, p. 87 и др.] до конца XIII в. [Доза, 1956, с. 275 и др.], или до конца XIV в. [Шишмарев, 1952, с. 41; Катагощина, Васильева, 1997, с. 38; Brunot, 1973, p. 432; Buridant, 2019, p. 87; и др.], или до конца XV в. [Schösler, Van Reenen, 1997, p. 606; GGHF, 2020, p. 653 и др.].

«Атласы» старофранцузского языка [Dees, 1980, 1987] прекрасно иллюстрируют эту теорию, представляя количественное распределение графических форм с *-s* / без *-s* в III ед. ч. существительных мужского рода (далее – м.р.) во французских хартиях XIII в. (см. карта 1) и литературных текстах [Dees, 1987, p. 112].

К а р т а 1. Статистика форм существительных м. р. без *-s* в III ед. ч. в хартиях XIII в. [Dees, 1980, p. 206].

[M a p 1. Statistics of masculine noun forms without *-s* in CS sg in charters of the 13th c.]

Отождествление графических и грамматических форм, а также диалектов и скрипт легко позволяет сделать вывод об отсутствии именного склонения в западных диалектах (90–99% форм III ед. ч. без *-s*) и его наличии (4–23% форм III ед. ч. без *-s*) в северных и восточных. Именно такой вывод сделан Л. Шеслер, выделившей на основе этой же карты три диалектные зоны: 1) запад – отсутствие склонения, 2) центр – временное и дефектное сохранение склонения (*maintien provisoire et défectueux*), 3) север и восток – устойчивость (*persistance*) склонения [GGHF, 2020, p. 645].

Заметим, что, согласно диалектной теории, речь идёт об одном и том же языке, диалекты которого в течение нескольких столетий различались по такому фундаментальному грамматическому признаку как наличие / отсутствие именного склонения, но не различались при этом никакими синтаксическими (развитие именной синтагмы, структура словосочетаний, простых и сложных предложений, порядок слов в словосочетаниях и предложениях) особенностями.

Последовательно разделяя диалекты и скрипты, мы не приняли данную теорию, поскольку, во-первых, считаем невозможным столь длительное сосуществование диалектов с разными грамматическими системами (со склонением vs без склонения); во-вторых, хронология разрушения склонения не прослеживается в хронологически

разных рукописях одного и того же района; в-третьих, рукописные тексты, выполненные в одной и той же диалектной зоне, могут различаться графическим оформлением имени: например, одни франсийские рукописи XIII в. представляют почти идеальное «склонение» аналогического типа с 5–25% «ошибок», а другие – практически разрушенное этимологического типа с 50–95% «ошибок» (подробнее см. [Stanovaia, 2021]).

Предложенное Г. Фалло объяснение «ошибок в склонении» как поздних, вызванных «забвением старого узуса и старых правил» неграмотными скрибами и переписчиками, а также деление рукописей на «хорошие» и «плохие», тоже нашло своё дальнейшее продолжение.

Так, все последующие текстологические исследования старофранцузских произведений в их рукописных вариантах стали обязательно содержать детальный анализ «ошибочных» падежных форм и их разделение на «ошибки автора» и «ошибки скриба (переписчика)» (подробнее см. [Становая, 1996]).

После того, как Э. Литтре вновь отметил нарушение «правила s» во многих «плохих» рукописях и призвал издателей старофранцузских произведений исправлять все «явные ошибки» (*les fautes manifestes*) безграмотных переписчиков [Littré, 1863, 2, p. 355–356; 439–441], издатели, особенно так называемых «критических» текстов, стали тщательно исправлять все именные формы, обеспечивая тем самым реальность старофранцузского склонения и правильность созданной теории.

Несмотря на то, что Ф. Брюно уже в начале XX в. заметил разницу между несоблюдаемым (*négligée*) склонением в рукописях и регулярным склонением в восстановленных (*restaurés*) текстах [Brunot, 1973, p. 335], историки французского языка обратили внимание на недостоверность подобного языкового материала, широко используемого в диахронических исследованиях, лишь в конце XX в. Однако к этому времени стойкая традиция выделять старофранцузское именные склонение уже сложилась.

4. Критика теории именного склонения [Nominal declension theory criticism]

Фр. Гессар [Guessard, 1840] подверг резкой и весьма язвительной критике Фр. Рейнуара, который, по его собственному признанию [Raynouard, 1821, p. III–IV], создавая теорию склонения, основывался на двух провансальских грамматиках XIII в. – «Провансальский Донат» Юга Файдита-Изгнанника (*Donatus provincialis*, Hugues, Ugo, Uc Faidit) и «Правила стихосложения» Раймонда Видаля (*La dreita manera de trobar*, Raymond, Raimon Vidal).

По мнению Фр. Гессара [Guessard, 1840, p. 125–144], анализ обеих грамматик убедительно доказывает отсутствие склонения, действительно способствующего различению подлежащих и дополнений, поскольку, во-первых, оба «малопонятных» (*obscurs*) автора отметили большое количество несклоняемых имён – это все имена и местоимения женского рода (далее – ж. р.) и некоторые существительные м. р., оканчивающиеся на -a; все имена, оканчивающиеся на -s по «особенности произношения» (*pour l'agrément de la prononciation*) или по «желанию» (*à volonté*); во-вторых, в описанных ими «правилах s» для склоняемых имён содержатся многочисленные противоречия, например, относительно неравносложных, оканчивающихся на -aige, -eige, -ege, -or, -on; в-третьих, оба автора считают, что правила склонения известны не всем и что многие трубадуры совершают ошибки.

Поскольку в такой «хитроумной системе» (*mécanisme ingénieux*) нет никакой «пресловутой выгоды для ясности языка» (*une utilité notoire pour la clarté du langage*), Фр. Гессар заключил, что на самом деле обе грамматики представляют характерное для всей эпохи средневековья, но в данном случае «ошибочное» (*défectueuse*), «неуклюжее и насильственное» (*maladroite et forcée*), применение (*imitation*) латинских правил к новому языку. Чтобы любой мог сам убедиться в том, что «правило s» представляет собой

сугубо «орфографическое явление» (*phénomène orthographique*), Фр. Гессар издал полные тексты обеих грамматик [Guessard, 1840, p. 139–141].

Фр. Женен [Génin, 1845, p. 249–270], назвав склонение «странным и тягчайшим заблуждением», «воздушным замком» как «обширной и смутной» фантазией (*une erreur bizarre et des plus graves; château en Espagne, très-vaste, très-obscur* – орфография издания сохранена – Л. С.), обрушился с резкой критикой на Фр. Рейнуара, автора этого «зла» (*mal*), и других создателей теории старофранцузского склонения – Фр. Дица, Ж.-Ж. Ампера, Г. Фалло.

По мнению Фр. Женена, неверна сама идея склонения, основанного на присутствии/отсутствии конечного *-s* в период оглушения конечных согласных. Последовательно разделяя графику (*orthographe*) и произношение (*prononciation*), Фр. Женен справедливо заметил, что произнесение или непроизнесение конечного *-s* не может быть доказано при помощи анализа стихосложения [Génin, 1845, p. 281–282] и что вариативность графических форм, трактуемая как склонение, на самом деле обусловлена отсутствием единой орфографии.

Присутствие *-s* в конце разных слов, в том числе наречий и междометий, Фр. Женен связал со стремлением к благозвучию (*euphonie*), свойственному французскому языку, в результате которого в частности появляется связывание (*liaison*). Он выделил несколько, в том числе и *-s*, «благозвучных» (*euphoniques*) согласных и представил их анализ на примере текста «Песнь о Роланде» [Génin, 1845, p. 89–148].

В результате анализа неравносложных существительных, Фр. Женен пришёл к выводу, что речь идёт не о разных падежных формах, но либо об обычном различии полных и кратких форм имён собственных, или «диминютивов и огмантативов» (*diminutifs et augmentatifs*), например: *Charles, Charlon, Charlot; Pierre, Pierrin, Pierrot, Pierron, Pierrinet*, и т. д.; либо о разных словах, различающихся дополнительным со-значением, например, презрения: *garçon* – это *gars* низкого происхождения и безнравственный; или диминютива: *sapin* – это диминютив к *saps* [Génin, 1845, p. 256–268].

Важно добавить, что все указанные Фр. Гессаром и Фр. Жененом факты иллюзорности старофранцузского склонения были в дальнейшем подтверждены результатами многих эмпирических исследований.

4.1. Роль именного склонения в старофранцузском языке [The role of the nominal declension in Old French]

Знаменитое высказывание А. Ривароля «То, что не ясно, это не по-французски» (*ce qui n'est pas clair n'est pas français*) связано с его рассуждением о прямом порядке слов, выделяющем французский язык среди других. Именно прямой порядок слов обеспечивает французскому языку ту «восхитительную ясность», которая составляет его основу: «Порядок и построение предложения – это то, что отличает наш язык от древних и современных. Этот порядок должен быть всегда прямым и обязательно ясным. <...> Французский язык, по исключительной привилегии, один остался верен прямому порядку. <...> Вот откуда происходит эта восхитительная ясность, постоянная основа нашего языка: то, что неясно, это не по-французски; то, что неясно, это по-английски, по-итальянски, по-гречески или по-латински» [Rivarol, 1784, p. 58–59]¹.

Все французские грамматисты и философы связывали прямой – природный, естественный, логичный, разумный, рациональный – порядок слов в предложении с ясностью и логикой мышления, а различные виды инверсии – с воздействием чувств и желанием авторов выразить эти чувства различными языковыми средствами. Например, грамматисты XVIII в. выделяли логические фразы с прямым порядком слов (*phrase logique*), отличающиеся от образных (*pittoresque*), чувственных (*sentimentale*) и музыкальных (*musicale*) [Brunot, François, 1973, p. 1934–2124].

Именно поэтому Фр. Рейнуар, в полном соответствии с многовековой французской грамматической традицией, указал главным достоинством именного склонения ясность, обеспеченную разными падежными формами подлежащего и дополнения, неизменную даже в случае инверсии. Отсюда – распространённое в традиционной истории французского языка мнение, что существование склонения является причиной возможной в старофранцузском языке препозиции дополнения и сказуемого перед подлежащим, дополнения перед сказуемым, определения перед определяемым. Соответственно, установление прямого порядка слов, свойственного современному французскому языку, связано с разрушением склонения [Доза, 1956, с. 346 ; Brunot, 1973, p. 498].

Л. Фуле, в полном соответствии с теорией Фр. Рейнуара, обратился к исследованию синтаксических особенностей «склоняемых» имён м. р. и «несклоняемых» имен ж. р., справедливо полагая, что наличие / отсутствие разных падежных форм должно было оказать влияние на порядок слов в синтаксических конструкциях и предложениях. Действительно, логично предположить, что отсутствие разных падежных форм у имен ж. р. должно затруднять понимание смысла фразы или конструкции и поэтому говорящий старался избегать инверсии в этих случаях.

Однако оказалось, что нет никаких синтаксических различий, обусловленных наличием / отсутствием разных падежных форм: нет ни одного примера конструкций и предложений, свойственных только «склоняемым» именам м. р. В результате анализа Л. Фуле заключил, что совсем не именное склонение, а контекст и распространённый уже в старофранцузский период прямой порядок слов обеспечивают необходимую ясность фразы [Foulet, 1932].

Последующие исследования XX в. доказали, что нет никакой очевидной связи между установлением прямого порядка слов и разрушением как латинского, так и старофранцузского склонения. Распространённое в традиционной истории французского языка мнение о склонении как причине разных типов порядка слов, возможных в старофранцузском языке, в современных работах полностью отсутствует. Так, в качестве причин того или иного порядка слов указываются факторы структурные, тема-рематические, прагматические, жанровые, дискурсивные и др. [Buridant, 2019, p. 1085–1112 ; GGHF, 2020, p. 1079–1120].

Этот же вывод о незначительной роли двухпадежного склонения в старофранцузском языке был сделан Бр. Уоледжем [Wolledge, 1979] и Л. Шеслер [Schøsler, 1984], которые указали, что главную, определяющую роль в различении подлежащих и дополнений и понимании фразы в целом играют контекст и порядок слов, а вовсе не именные падежные формы.

Л. Шеслер [Schøsler, 1984] к контексту и порядку слов добавила ещё семантику новалентных глаголов и одушевленных / неодушевленных существительных и заключила, что идентификация синтаксической функции существительного, а также понимание фразы в целом, обеспечены синтаксическими, семантическими и контекстуальными средствами в 99,9% примеров, а падежными формами всего в 0,1% (т. е. в 4 примерах из 3607). В новой «Большой исторической грамматике французского языка» Л. Шеслер ещё раз подчеркнула «ненужность» склонения для понимания старофранцузской фразы и важность порядка слов в идентификации синтаксических функций существительных [GGHF, 2020, p. 652].

Таким образом, склонение действительно, как считал Фр. Гессар, не способствует различению подлежащих и дополнений, а соответственно, в нём нет никакой «пресловутой выгоды для ясности языка». Очевидно, что, вопреки утверждению Ф. Брюно, именное склонение нельзя считать основой старофранцузского синтаксиса.

В этой связи встаёт естественный вопрос: зачем «ненужное склонение» существовало во французском языке в течение IX–XV вв.? К сожалению, и этот вопрос в теории старофранцузского склонения остаётся риторическим.

4.2. Склоняемые и несклоняемые имена [Declinable and non- declinable names]

В свете «ненужности» склонения, становится понятным и его «дефектность», «лакунарность», «миниатюрность» [Buridant, 1919; Fallot, 1839; Génin, 1845; Guessard, 1840; Littré, 1863 и др.], поскольку склоняются не все имена, а только их некоторая часть.

В этой связи, Л. Фуле, изучая синтаксис несклоняемых имен ж. р. на -е, недолго воскликнул: «Как представить себе язык со склонением, в котором почти половина существительных не склоняется? <...> имеем ли мы здесь пример языка, разделенного на две противоположные и противоречащие друг другу системы? <...> как в этих условиях он [язык] смог существовать?» [Foulet, 1932, p. 264].

Действительно, система именного склонения не охватывает все имена. По нашим подсчётам [Голубенко, Становая, 1985], количество существительных м. р. и ж. р., склоняемых по мнению Фр. Рейнуара и его последователей, составляет менее половины (39,48%) от общего числа употребленных в проанализированных текстах (т. е. 1316 из 3333).

К тому же, различные исследования, в том числе и наши, показали, что парадигмы склонения многих существительных и прилагательных вообще нельзя установить, ни опираясь на их этимологию, ни на их употребление в текстах. Следовательно, нельзя однозначно определить, к какому классу – склоняемых или несклоняемых – относится то или иное имя. Это: 1) существительные и прилагательные м. р. на -е (тип *pere*); 2) существительные и прилагательные ж. р. на согласную (тип *flor*); 3) существительные и прилагательные м. р. и ж. р. неравносложные (тип *ber* - *baron*, *ante* - *antain*).

Так, существительные и прилагательные м. р. на -е и ж. р. на согласную употребляются в вариантных формах ПП: ед. ч. *pere* ~ *peres*, *flor* ~ *flors*; мн. ч. *pere* ~ *peres*, *flor* ~ *flors*. Принято считать, что аналогические формы ПП ед. ч. (-s) и мн. ч. (-ø) характерны для поздних рукописей [Brunot, 1973, p. 180–181] и для диалектов с регулярным склонением [GGHF, 2020, p. 633–636]. Однако это весьма распространённое мнение не подтверждается нашими исследованиями. Данные «Атласов» [Dees, 1980, 1987] также наглядно показывают, как одни и те же имена одновременно «склоняются» и «не склоняются» даже в одном и том же районе, не говоря уже о старофранцузском языке в целом (см. табл. 1).

Такая же неясность касается группы неравносложных, к которым обычно относят 6 прилагательных и 7–58 существительных [Stanovaia, 2012] или 8 прилагательных и 179 существительных [Кочубей, 2011]. Такой невероятный разброс мнений — от 7 до 179 — обусловлен тем, что в старофранцузских текстах неравносложные часто употреблялись как равносложные, т. е. только в одной из форм.

Исследования показали, что между так называемыми «падежными» формами могли быть и другие, т. е. не сугубо грамматические, различия. Есть основания полагать, что речь может идти не о разных падежных формах, но о разных словах, например: *sire/seigneur*; *messire/monseigneur*; *traître/traitor*, *nonne/nonnain*, и др., или разных частях речи, например: прилагательные *ber*, *enfes*/ существительные *baron*, *enfant*; местоимение *on* (*em* ~ *en* ~ *am* ~ *hom* ~ *hum* и т. д.)/ существительное *home* (*hume*, *ome* и т. д.); есть региональные особенности в выборе той или иной формы, например: в изученных нами нормандских рукописях формы только двух существительных *nies/nevout* и *cuens/conte* употребляются более или менее регулярно, тогда как в пикардских и валлонских *nies* употребляется, а *nevout* нет, во франсийских и бургундских есть *conte*, но нет *cuens*, и т. д. (подробнее [Foulet, 1950 a, b, 1951 a–c; Spense, 1971; Stanovaia, 2012] и др.).

Подобными лексико-грамматическими преобразованиями бывших падежных форм может быть объяснено существование в современном французском языке разных слов, например: *gars/garçon*; *copain/compagnon*; *pâtre/pasteur*; *maire/majeur*, и др.; а

также сохранение ряда существительных и прилагательных в форме ПП, например: *prêtre* < *prestre* (вм. КП *provoire*); *soeur* < *suor* (вм. КП *soror*); *traître* < *traistre* (вм. КП *traitor*) и т. д.

Очевидно, что на уровне парадигмы «правило s» применимо только к одной группе существительных и прилагательных м. р. с основой на согласную (тип *mur*). Все остальные имена были либо несклоняемыми (ж. р. на -е тип *rose*, все имена на -s тип *cors*), либо склоняемыми и несклоняемыми одновременно. В этом нельзя увидеть регулярную систему именного склонения. Действительно, это всего лишь «латинские развалины, обломки, загромождающие новый язык без всякой пользы» [Gussard, 1840, p. 142].

Т а б л и ц а 1. Статистика форм с -s существительных и прилагательных ж. р. с основой на согласную в ПП ед. ч. в хартиях [Dees, 1980, p. 208] и литературных текстах [Dees, 1987, p. 113, 239–242]

[T a b l e 1. Statistics of the forms with -s of feminine nouns and adjectives on a consonant in the CS sg in charters and literary texts]

район / тип	-ors (хартии)	-ors	-tes	mains, clefs	granz/s	-acions	итого
Angleterre	-	9,52	17,14	4,76	12,5	0	0-17
Normandie	0	10,07	10	13,81	3,57	0	0-14
Meuse	98,57	12,5	50	22,22	0	0	0-99
Vosges	83,33	81,25	75	85,71	100	100	75-100
Orléannais	0	0	6,57	4,76	3,57	0	0-7
Region parisienne	9,09	5	40,46	18,47	7,96	0	0-40
Bourgogne	80,77	75	68,52	19,53	42,11	100	20-100
Somme	74,07	68,58	76,54	56,61	60,5	66,67	57-77
Wallonie	83,98	67,05	80,83	65,26	61,23	90	61-90
Oise	42,86	22	52,06	32,38	35,56	50	22-52
Aisne	96,15	26,28	72,12	31,61	38,54	-	27-96
Nord	93	92	88	75	91	-	75-93
Hainaut	91,67	50	33,33	6,25	50	-	6-92
Итого	0-96	0-92	7-88	5-75	0-91	0-90	0-100

4.3. Произнесение / непроизнесение -s как грамматического показателя числа и падежа [Pronouncing / not pronouncing -s as a grammatical indicator of number and case]

В истории французского языка до сих пор нет объективных методов, выявляющих истинный характер – звучащий или сугубо графический – конечного -s как грамматического показателя числа и падежа, что по существу и определяет столь длительный спор о реальности или иллюзорности старофранцузского склонения.

Объявляя существование именного склонения «беспорным», Ф. Брюно всё же задумался над тем, каким образом конечный -s мог стать основой противопоставления падежных форм в старофранцузском языке, ведь оглушение конечных согласных, включая -s, наблюдалось уже в вульгарной латыни. Чтобы найти компромисс между теорией Фр. Рейнуара и уже известными к тому времени фактами, Ф. Брюно предложил «чистую гипотезу» (*une pure hypothèse*): в галльском языке, субстрате французского, был тип склонения имён м. р., совпадающий с латинским типом *dominus*, и тип склонения

имён ж. р. мн. ч. **eras*. «Встреча» галльского и латинского склонений позволила избежать последнему полного исчезновения и обусловила его продолжение в старофранцузском [Brunot, 1973, p. 70, 179].

По мнению Л. Шеслер, неважно, произносился ли конечный *-s* или нет, поскольку главным показателем падежа и числа уже в старофранцузском языке был артикль. Именно поэтому между оглушением конечного *-s* и разрушением склонения нет очевидной связи. Учитывая, что оглушение конечного *-s* происходило в разных диалектах с XI в. по XVI в., одна и та же графическая форма, например, *murs*, могла произноситься в четырёх по-разному звучащих вариантах: [myrs], [myrz], [my: r], [myr]. Соответственно, только артикль, формы которого чётко противопоставлены по падежам, позволяет понять, о каком падеже идёт речь: ПП ед. ч. *li my: r, li myr, li myrs, li myrz*; КП ед. ч. *lə myr*; ПП мн. ч. *li myr*; КП мн. ч. *le: my: r, le: myr, le: myrz, le: myrs* [GGHF, 2020, p. 647–648].

В своих работах мы подчёркивали, что наблюдаемая в рукописных текстах графическая вариативность касается только так называемых форм ПП, в которых чередование конечных *-s/-ø* не сопровождается регулярным противопоставлением грамматических значений: ед. ч. *mur ~ murs, pere ~ peres, flor ~ flors, ber ~ bers ~ barons*; мн. ч. *mur ~ murs, pere ~ peres, flor ~ flors, barons ~ baron*. Следовательно, графему *s* нельзя интерпретировать как внешнюю флексию, служащую для выражения разных падежных значений. Иначе говоря, *-s* не является грамматическим показателем грамматического значения ПП ед. ч., а его отсутствие (*-ø*) не является грамматическим показателем грамматического значения ПП мн. ч.

Напротив, формы так называемого КП во всех рукописных текстах отличаются единообразием, и чередование конечных *-s/-ø* всегда сопровождается регулярным противопоставлением грамматических значений ед. ч.: *mur-ø* : мн. ч. *mur-s*, вне зависимости от того, произносился ещё конечный *-s* или уже нет. Следовательно, графему *s* можно интерпретировать как внешнюю флексию *-s*, служащую для выражения грамматического значения мн. ч., а её отсутствие (*-ø*) – для выражения грамматического значения ед. ч.

Именно потому, что разные формы *s* *-s/-ø* используются в рукописных текстах для выражения одного и того же грамматического значения ПП, мы сделали вывод, что речь идёт не о разных грамматических формах, противопоставленных по грамматическим значениям числа и падежа, но о вариантах, однозначно графических, а возможно и фонетических, одних и тех же грамматических форм ПП. Учитывая отсутствие грамматических форм ПП, регулярно выражающих грамматическое значение ПП и противопоставленных соответствующим формам КП, мы заключили, что грамматическая категория падежа в старофранцузском языке отсутствует.

Важно подчеркнуть разницу указанных теоретических и методологических подходов к анализу графических форм и именного склонения в целом.

Л. Шослер изучает возможное соответствие графических форм устным звучащим, т. е. соответствие букв и звуков. Предполагая разные звучащие формы, служащие для выражения одного и того же грамматического значения, она делает вывод, что главным грамматическим показателем падежа и числа был артикль, т. е. сами имена не склонялись, а склонялся только артикль. Этот вывод хорошо согласуется с её заключением о практически нулевой смысловозначительной роли падежной флексии. При этом, однако, общее заключение о наличии / отсутствии именного склонения в разных диалектах сделано на основе количественных данных по графическим формам существительных м. р., зафиксированных в рукописях разных районов средневековой Франции.

Наше изучение было направлено на установление: 1) грамматических форм, служащих для выражения грамматических значений числа и падежа; 2) системных отношений корреляции и оппозиции между элементами грамматической системы склонения, позволяющие выделить грамматические показатели падежа и числа; 3) типов и пара-

дигм склонения для всех именных частей речи; 4) всей грамматической системы именного склонения, свойственной старофранцузскому языку. Только такой системный, структурно-функциональный подход, направленный на изучение соответствия грамматической формы и грамматического значения, а не на соответствие букв и звуков, позволяет установить грамматические формы и отделить их от графических и фонетических.

Вариативность написания или произнесения одной и той же грамматической формы не является основанием для выделения разных грамматических форм: в данном случае можно говорить лишь о графических и фонетических вариантах одной и той же грамматической формы. К установленным качественным, языковым характеристикам именных форм, добавляются количественные, речевые. Отсюда – наше общее заключение об отсутствии грамматических форм ПП, регулярно противопоставленных на уровне языка и речи грамматическим формам КП, а соответственно, и именного склонения как грамматической системы в целом.

О сложностях определения парадигм так называемых склоняемых и несклоняемых имён речь шла выше. Здесь же отметим, что нельзя считать одни варианты «правильными», а другие «ошибочными», потому что формы ПП ед. ч., например, *pere*, *maistre*, *raison*, *dolor* (без -s) – «правильные» этимологические (< PATER, MAGISTER, RATIO, DOLOR Nom. Sg.), а *peres*, *maistres*, *raisons*, *dolors* (с -s) – «правильные» аналогические, унифицированные по типу *mur*. Напротив, для существительных *oncle*, *flor* этих же типов «правильными» этимологическими формами ПП ед. ч. являются *oncles*, *flors* (с -s) < AVUNCULUS, FLOS Nom. Sg., а *oncle*, *flor* (без -s) – «правильные» аналогические, но унифицированные по другой аналогии: *oncle* – как многие несклоняемые имена м. р. на -e, *flor* – как многие несклоняемые имена ж. р. на согласный. То же и в ПП мн. ч.: этимологические *maistre*, *oncle* (-ø) < MAGISTRI, AVUNCULI Nom. Pl.; *peres*, *flors* (-s) < PATRES, FLORES; аналогические *maistres*, *oncles*; *pere*, *flor*.

Можно только вообразить, какие трудности испытывали средневековые сcribes, пытаясь разобраться в «правильных» и «неправильных» формах! Неслучайно, что в провансальских трактатах, послуживших Фр. Рейнуару стимулом к открытию именного склонения, есть противоречия и по этим группам. Так, Р. Видаль считал, что имена м. р. на -e изменяются только по числу, а имена ж. р. на согласный в ед. ч. имеют разные формы падежа, а во мн. ч. – единую. Ю. Фейдит, напротив, полагал, что все эти имена не склоняются, а изменяются только по числу [цит. по : Guessard, 1840, p. 169–172, 196–198].

Создатели «Атласов» [Dees, 1980, 1987] решили всё гораздо проще: к «правильным» отнесли формы с -s в ПП ед. ч. и без -s в ПП мн. ч. для всех имён м. р., включая типа *pere* и неравносложные типа *ber*–*baron* (см. карта 1), а существительные и прилагательные ж. р. типа *flor* неосторожно разделили по подтипам (см. табл. 1), тем самым наглядно показав, как одни и те имена ж. р. «склоняются» и «не склоняются» одновременно.

Пытаясь систематизировать многообразие графических вариантов грамматических форм, сначала мы определили одни варианты как «современные», а другие как «архаичные», и сделали вывод об ориентации сcribes либо на современный им языковой узус, либо на архаичный, сохранённый в силу известной консервативности письменности [Stanovaia, 1993]. Однако далее, столкнувшись с архаичностью и архаизацией англо-нормандских скрипт [Stanovaia, 2007], мы отказались от диахронического определения в пользу синхронического и разделили варианты на «аналогические», унифицированные по «правилу s», и «этимологические», неунифицированные, ориентированные на латинские и архаичные французские формы. Обратив внимание на предпочтения сcribes и переписчиков, преимущественно использовавших те или другие варианты, мы выделили скрипты аналогического (пикардские, валлонские, лотарингские из Меца, бургундские, кроме Авалона и Отена, франсийские монастырских

скрипториев и северных районов Иль-де-Франса) и этимологического (англо-нормандские, нормандские, туренские, лотарингские, кроме Меца, франсийские канцелярий и остальных районов Иль-де-Франса, бургундские Авалона и Отена) типа. Этимологический или аналогический тип графического оформления имени составляет яркую специфику французских скрипт. Наличие рукописных текстов, выполненных в одной и той же диалектной зоне, но различающихся по типу графического оформления имени, не подтверждает истинность диалектной теории старофранцузского склонения.

4.4. Склонение артиклей, указательных и притяжательных местоимений [Declension of articles, demonstrative and possessive pronouns]

Многие формы артиклей, указательных и притяжательных местоимений м. р. на уровне парадигмы различаются по числу и падежу при помощи внутренней флексии, например: ПП ед. ч. : КП ед. ч. *li : le, cist : cest, cil : cel, mes : mon*, и т. д., или только по числу, например: ед. ч. : мн. ч. *nostre, vostre : nos/z, vos/z*. Формы артиклей, указательных и притяжательных местоимений ж. р. различаются только по числу, например: ед. ч. : мн. ч. *la : les, ceste : ces, celle : celles, ma : mes, nostre : nos*, и т. д.

Идея Фр. Рейнуара о прямой связи между исчезновением латинской падежной флексии и появлением артикля широко распространена в истории французского языка. Сформулированные младограмматистами фонетические законы (редукция конечных гласных, оглушение конечных согласных) объяснили, как происходило разрушение латинских и старофранцузских флексий и как в процессе общего движения от синтетизма к аналитизму формировались новые аналитические средства выражения грамматических значений. В психосистематике представлены причины аналитического развития индоевропейских языков и история формирования системы французского артикля [Скрелина, 2009, с. 91–128, 328–343 ; Guillaume, 1982, р. 21–60; и др.].

В современном французском языке, действительно, артикль или другой детерминатив можно рассматривать как препозитивную флексию, служащую для выражения всех грамматических значений существительного: лицо, род, число, падеж (функция), экстенсия (детерминация; определённость / неопределённость) [Скрелина, Становая, 2012, с. 119–167]. Однако для старо- и среднефранцузского языка такое представление о роли артиклей и местоимений преждевременно, поскольку аналитическая форма существительного ещё находилась в процессе становления.

Нельзя рассматривать артикль как главный детерминатив существительного уже в старофранцузском языке. Например, в «Страсбургских Присягах» артикля нет вообще. В «Песне о Роланде» более трети существительных употреблены без артикля или других детерминативов. В текстах XIII в. определённый артикль употребляется чаще, однако всё ещё много существительных без артикля или других детерминативов, особенно в функции дополнения: например, по данным А. Карлье и М. Гуаенс, 40,8% существительных употреблено без артикля и других детерминативов [GGHF, 2020, р. 664].

Учитывая это известное обстоятельство, трудно согласиться с мнением Л. Шеллер, что уже в старофранцузском языке все грамматические значения существительных, включая падежные, выражались прежде всего при помощи артикля, а лишь затем, комплементарно, флективными формами.

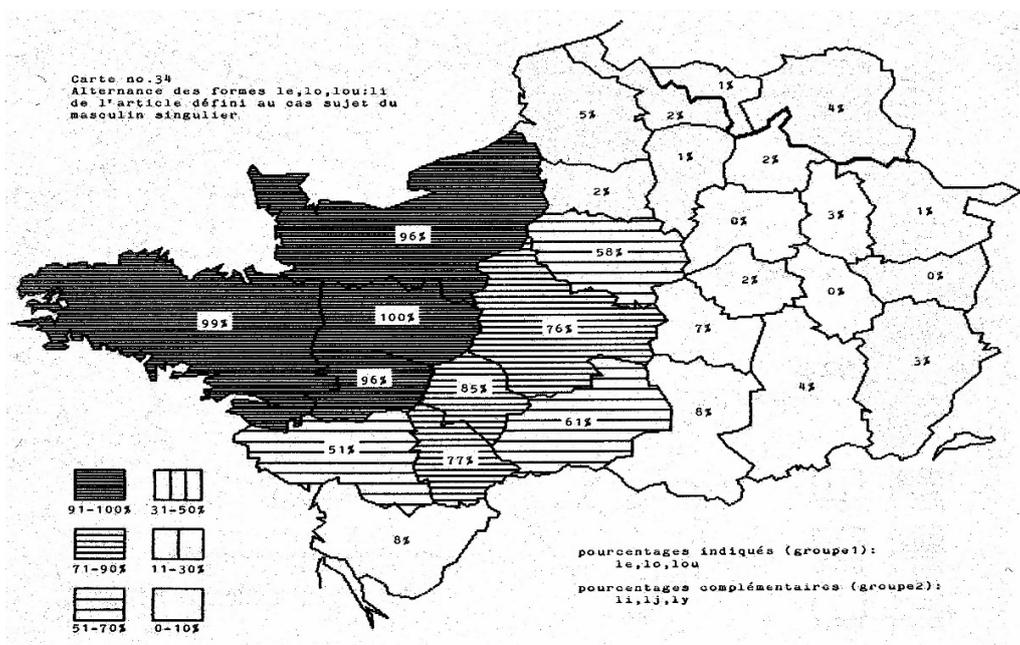
Следует заметить, что тексты, проанализированные Фр. Рейнуаром, позволили ему заключить, что артикль вообще не склонялся ни в старофранцузском, ни в старопровансальском языках.

По мнению Ю. Файдита, автора «Провансальского Доната», именно одна и та же форма артикля в именительном и винительном падежах обуславливает необходимость употребления разных падежных форм существительных в этих падежах: «Падежей шесть: именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, предлож-

ный. Именительный выражен с *lo*, так: «*lo reis est venguts*». Родительный с *de*, так: «*aquest destrers es del rei*» Дательный с *a*, так: «*mena lo destrier al rei*». Винительный с *lo*, так: «*eu vei lo rei armât*». И нельзя понять, ни отличить винительный от именительного без этого: именительный в ед. ч. требует *s* в конце, когда это имена м. р., а другие падежи его не требуют; именительный во мн. ч. его не требует, а все остальные падежи его требуют во мн. ч. Однако звательный должен походить на именительный во всех словах, которые оканчиваются на *ors*, и в этих: *Deus, reis, francs, pros, bos, cavaliers, canzos*» [цит. по : Guessard, 1840, p. 168].

Следует добавить, что «ошибки в склонении» есть в употреблении форм артикля, начиная с первого относительно большого текста «Житие Св. Леодегария» (*la Vie de Saint Léger*) в рукописи конца X в. (Clermont-Ferrand 240/189); в рукописных текстах XII–XIV вв. количество «ошибок» варьирует от 5% в скриптах аналогического типа до 40% в скриптах этимологического типа [Stanovaia, 2012, 2021].

Согласно данным «Атласа хартий» [Dees, 1980, p. 34], количество «ошибок» в выборе форм ПП ед. ч. определённого артикля варьирует от 0% на севере и востоке до 99–100% на западе (см. карта 2); такое же количество «ошибок» – от 0% до 100% – в формах ПП мн. ч. [Dees, 1980, p. 37].

К а р т а 2. Статистика форм определенного артикля м. р. *le, lo* в ПП ед. ч. в хартиях XIII в. [Dees, 1980, p. 34]

[M a p 2. Statistics of the forms of the definite masculine article *le, lo* in CS sg in the charters of the 13th c.]

Таким образом, в тех районах, где много «ошибок в склонении» имён существительных и прилагательных, много и «ошибок в склонении» артикля. То же самое касается употребления форм указательных и притяжательных местоимений [Dees, 1980, p. 62, 76]. Соответственно, нельзя полагать, что «правильные» формы артикля и других детерминативов способствуют употреблению существительных в «ошибочных» формах, поскольку их падежные значения уже выражены.

Очевидно, что, либо «склонение» есть, и тогда существительные, прилагательные, причастия, артикли, местоимения «склоняются», либо «склонения» нет, и тогда никакие именные части речи не «склоняются».

4.5. Склонение в первых описаниях французского языка [Declension in the first descriptions of the French language]

К уже указанным выше аргументам, доказывающим отсутствие старофранцузского именного склонения как действующей системы, добавим ещё один – сведения из первых описаний французского языка.

Лишь два вышеназванных провансальских автора XIII в. указали на необходимость употреблять формы именительного падежа (*nominatius*, *el nominatiu*) – «длинные» с -s в ед. ч. и «короткие» без -s во мн. ч. Однако Р. Видадь при этом отметил, что многие «обычно» (*per us*) говорят «плохо», употребляя «короткие» формы в ед. ч., а «длинные» во мн. ч.: «Я называю удлинять, когда говорят *'cavaliers, cavals'*, и так же все другие слова. Если скажут: *'lo cavalier es vengut'*, или *'mal mi fes lo caval'*, или *'bon sap l'escut'*, будет сказано плохо, потому что именительный падеж ед. ч. должно удлинять, хотя каждый говорит обычно: *'pus vengut es lo cavalier'*, или *'mal mi fes lo caval'*, или *'bon sap l'escut'*. А именительный падеж мн. ч. должно укорачивать, хотя каждый говорит так: *'vengut son los cavaliers'*, или *'mal mi feron los cavals'*, или *'bon mi sabon los escuts'*. Также и все имена м. р. удлиняются в ед. ч. и укорачиваются во мн. ч. в звательном падеже [цит. по : Guessard, 1840, p. 193–194].

Во всех остальных сохранившихся трактатах XIII–XV вв. нет ни малейшего намёка на существование или разрушение склонения. Так, все рукописные варианты «Французской (Галльской) Орфографии» [*Orthographia Gallica*, 1884], начиная с первого, конца XIII в., указывают только две формы существительных и прилагательных – ед. и мн. ч., а не четыре, необходимые при двухпадежном склонении – III ед. и мн. ч.; КП ед. и мн. ч.

Все рукописные варианты XIII–XV вв. перевода на французский язык трактата Доната «*Ars Minor*», созданного в середине IV в. и широко используемого во Франции для обучения латинскому языку до XVI в. включительно, объясняют шестипадежное латинское склонение при помощи несклоняющихся французских существительных с несклоняющимся артиклем и предлогами: «Именительный падеж *le mestre*, родительный *du mestre*, дательный *au mestre*, винительный *le mestre*, звательный *o tu mestre*, предложный *par le mestre*, *o le mestre* и *sanz le mestre* и *du mestre*» [цит. по : Colombo Timelli, 1996, p. 146]. В таком же виде представлено склонение во «Французском Донате» Дж. Бартона (*Donait françois <...> de Johan Barton*) в рукописи начала XV в. [цит. по : Stengel, 1879, p. 28].

Трактат М. Т. Куэфюрелли (*Tractatus orthographie gallicane per M. T. Coyfurelly <...>*) в рукописи начала XV в. интересен упоминанием о разнице графических (*scribunt* – пишут) пикардских (*Romanica*) с -s, например: *lui papes de Rome, l'empereurs d'Alemaigne, lui rois d'Engleter et de France*, и др., и французских (*Gallicana*) без -s, например: *le pape de Rome, l'empereur de R., le Roy de l'Engleterre*, и др., форм ед. ч. Пикардские формы трактуются М. Т. Куэфюрелли как курьёзное отличие от «более красивых и коротких» (*pulcrius et breuius*) форм «истинных французов» (*vero Gallici*) [цит. по : Stengel, 1879, p. 17].

Ни один из первых французских грамматистов XVI в. не упоминает ни о существующем, или существовавшем и исчезнувшем именном склонении. Даже Ж. Дюбуа/Сильвиус (*Jacques Dubois, Jacobus Sylvius*), уроженец Пикардии, т. е. районов, где «правильное склонение» сохранялось до 1500 г. [Schøsler, Van Reenen, 1997], говорит о «лёгкости» (*facilis*) французского склонения по сравнению с греческим и латинским, поскольку существительные изменяются только по числу: «Именительный *hic magister lè mâistrè*. Родительный *magistri dè & du mâistrè*. Дательный *magistro a & âu mâistrè <...>*» [Dubois, 1531, p. 96].

5. Старофранцузское именное склонение – реальность или иллюзия? [Old French nominal declension – reality or illusion?]

Итак, мы возвратились в исходную точку к главному вопросу: как трактовать наблюдаемую вариативность форм – как реальность, отражающую действующее старофранцузское именное склонение или как иллюзию, представляющее сугубо графическое явление, обусловленное различием французских скриптов?

Сила традиции столь велика, что учёные постоянно искали различные компромиссные решения, позволяющие объяснить указанные выше факты, убедительно доказывающие отсутствие именного склонения в старофранцузском языке. Так, чтобы не нарушать традицию и не отрицать существование старофранцузского склонения вообще, предлагалось датировать его разрушение более ранним периодом. Например, до XIII в.: Э. Литтре, возражая Фр. Гессару, одновременно подтверждает правильность высказанных им фактов и отмечает, что все указанные недостатки провансальских грамматик обусловлены тем, что Р. Видаль и Ю. Файдит застали уже разрушенное, практически исчезнувшее склонение, чьё существование окончательно завершится в XIV в. [Littré, 1863, 2, p. 438–441]. Или до XII в.: по мнению Ф. Брюно, в англо-нормандских текстах XII в. склонения уже нет, если только поэты не прикладывали заметных усилий для его сохранения [Brunot, 1973, p. 336]. Или до XI в.: А. Доза считал, что двухпадежное склонение «соответствует состоянию языка начала XI в., сохраняясь в письменности по традиции делопроизводства Капетингов, поэтов, писцов и вообще образованных людей» [Доза, 1956, с. 275].

Чтобы датировать разрушение склонения X–XII вв., необходимо иметь доказательства в виде эмпирических данных, наглядно показывающих постепенное и прогрессивное разрушение «идеального» склонения IX в. в хронологически разных рукописях X–XII вв. (а не в виртуальных текстах произведений), выполненных в одних и тех же диалектных и скриптуральных зонах. Но это объективно невозможно из-за малочисленности первых рукописных текстов на французском языке.

Известно, что главным языком письменности во Франции до конца XII – начала XIII вв. был латинский. Поэтому сравнивать хронологически и географически можно данные только французских рукописных текстов XIII–XV вв., т. е. периода, в котором склонение, по мнению многих, предстаёт как существенно разрушенное, а в некоторых диалектах – как уже исчезнувшее.

Сохранившиеся рукописи XII в. являются преимущественно англо-нормандскими, что не позволяет сравнения французских диалектов и скрипт этого периода. Наше изучение англо-нормандских рукописей не подтвердило распространённого мнения о том, что процесс разрушения именного склонения начался именно в англо-нормандском диалекте. Более того, ярко выраженная ориентация англо-нормандских скрибов и переписчиков на архаичный французский узус никак не согласуется с такой языковой инновацией. Поэтому мы заключили, что даже в том архаичном французском языке, узус которого сохраняли или восстанавливали англо-нормандские скрибы и переписчики никакого регулярного склонения уже не было [Stanovaia, 2007].

Единичные рукописные тексты IX–XI вв. («Кантилена о Св. Евлалии», конец IX в., 15 строк, 188 слов; «Страсбургские Присяги», конец X – начало XI вв., 13 строк, 115 слов) слишком короткие, чтобы делать какие-то серьёзные выводы, тем более что первые «ошибки в склонении» есть уже в «Житии Св. Леодегария» (конец X в., 240 строк, 1400 слов), а это позволяет утверждать, что разрушение склонения началось до X в.

Мы не смогли найти компромиссного объяснения всем изложенным выше фактам в рамках теории Фр. Рейнуара. Поэтому нам пришлось нарушить традицию и предположить, что французские скрипты, формировавшиеся под сильным влиянием латинской письменности, сохранили следы действовавшей в вульгарной латыни систе-

мы двухпадежного именного склонения. Французская письменность удержала «воспоминание» о некогда действовавшей системе, а ориентация скрибов и переписчиков на разные скриптуральные нормы оформления имени обусловила разнообразие графических форм, создав иллюзию склонения.

Таким образом, старофранцузские рукописные тексты в этом отношении аналогичны позднелатинским: в позднелатинских текстах воспроизводилось с многочисленными «ошибками» классическое шестипадежное латинское склонение, и в старо- и среднефранцузских текстах точно так же с многочисленными «ошибками» воспроизводилось двухпадежное вульгарно-латинское склонение. Ориентация французских скрибов и переписчиков была традиционно ретроспективной.

Именно поэтому у именного склонения не было никакой функциональной значимости в старофранцузском языке, тщательный анализ рукописных форм не позволил установить саму грамматическую систему склонения, а хронология его прогрессивного разрушения не отражена в рукописных текстах XIII–XIV вв., выполненных в одних и тех же диалектных и скриптуральных зонах.

Естественно, что такой глобальный процесс как разрушение именного склонения не мог произойти одномоментно: это требует фундаментальной перестройки всей грамматической системы языка. Начавшись в недрах архаической латыни, процесс исчезновения именного склонения как регулярной грамматической системы завершился в вульгарной латыни в период формирования романских, в том числе французского, окситанского и франкопровансальского, языков. Совершенно естественно, что остатки склонения сохранились в старофранцузском языке в виде многочисленных и разнообразных форм имени, артиклей, местоимений, причастий. Отсюда – обилие вариантов грамматических форм, возможно связанных с реальной вариативностью языкового узуса, прежде всего в произношении.

6. Заключение [Conclusion]

История развития теории старофранцузского именного склонения удивляет стойкостью единожды провозглашенных идей. Никакая критика, никакие аргументы, никакие эмпирические данные не в состоянии изменить уверенность историков языка в правоте Фр. Рейнуара. Эта уверенность основана на наличии во французских рукописных текстах IX–XV вв. вариативных графических форм на -s / без -s, которые необоснованно отождествляются с грамматическими и трактуются как падежные. Все отклонения от сформулированного Фр. Рейнуаром «правила s» трактуются как «ошибки», обусловленные прогрессивным разрушением склонения во французских диалектах в течение XI–XV вв.

Сопоставление и анализ фактов, полученных в истории французского языка, убедительно опровергают существование старофранцузского именного склонения как действующей грамматической системы. Иллюзорность старофранцузского склонения, впервые аргументированная Фр. Гессаром и Фр. Жененом в том же XIX в., получила фактологическое подтверждение в различных эмпирических исследованиях XX–XXI вв., посвящённых отдельным вопросам эволюции французского языка.

Мнение об отсутствии старофранцузского склонения как действующей грамматической системы основано на представленных выше фактах: практически нулевая функциональная значимость падежных форм и склонения в целом; отсутствие грамматических форм III, регулярно противопоставленных на уровне языка и речи грамматическим формам КП; ограниченность и лакунарность склонения, охватывающего небольшую часть существительных, прилагательных, артикля и др.; отсутствие регулярных типов и парадигм склонения, чётких границ между «склоняемыми» и «несклоняемыми» именами и др.

Наличие рукописных текстов, выполненных в одной и той же диалектной зоне, но различающихся по типу графического оформления имени, не подтверждает истинность диалектной теории старофранцузского склонения, к тому же хронология прогрессивного разрушения склонения во французских диалектах не отражена в рукописных текстах, выполненных в одних и тех же диалектных и скриптуральных зонах средневековой Франции.

Что же мешает историкам языка признать старофранцузское именное склонение иллюзией? Вероятно, сила традиции, которая столь велика, что заставляет учёных постоянно искать компромиссные решения для соединения взаимоисключающих фактов. Другого логичного объяснения этому удивительному научному феномену у нас нет.

Благодарности [Acknowledgments]

Статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ №19-012-00297.

Библиографический список

- Доза, 1956 – Доза А. История французского языка / пер. с фр. Е. Н. Шор. М. : Изд-во иностр. литературы, 1956. 471 с.
- Глухова, 2001 – Глухова Ю. Н. Именная синтагма в среднефранцузский период : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Глухова Юлия Николаевна ; РГПУ им. А. И. Герцена. СПб, 2001. 203 с.
- Голубенко, Становая, 1985 – Голубенко И. Б., Становая Л. А. Еще о раз о типах склонения старофранцузских существительных // *Kalbotyga*. 1985. Вып. XXXV-3. С. 77–88.
- Катагощина, Васильева, 1997 – Катагощина Н. А., Васильева Н. М. История французского языка. М. : Диана, 1997. 421 с.
- Кочубей, 2011 – Кочубей А. В. История изучения неравносложных имен в старофранцузском языке // *Известия СПб ун-та экономики и финансов*. 2011. № 71. С. 74–76.
- Скрелина, 2009 – Скрелина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. М. : Высшая школа, 2009. 367 с.
- Скрелина, Становая, 2012 – Скрелина Л. М., Становая Л. А. Теоретическая грамматика французского языка. Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 386 с.
- Скрелина, Становая, 2005 – Скрелина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. 2-е изд. М. : Высшая школа, 2005. 463 с.
- Становая, 1996 – Становая Л. А. Введение в скриптологию. СПб. : Златоуст, 1996. 95 с.
- Шишмарев, 1952 – Шишмарев В. Ф. Историческая морфология французского языка. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 268 с.
- Brunot, 1973 a – Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. 1 : De l'époque latine à la Renaissance. Paris : Collin, 1973 (1e tirage 1966). 597 p.
- Brunot, 1973 b – Brunot F., François A. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. VI : 2-ème partie. Paris : Collin, 1973 (1e tirage 1966). P. 1409–2194.
- Buridant, 2019 – Buridant Cl. Grammaire du français médiéval (XIe-XIVe siècles). Strasbourg : ELIPHI, 2019. XXIV, 1173 p.
- Chambon, 2003 – Chambon J. P. La déclinaison en ancien occitan, ou: comment s'en débarrasser? Une réanalyse descriptive non orthodoxe de la flexion substantivale // *Revue de Linguistique Romane*. 2003. T. 67. P. 343–363.
- Colombo Timelli, 1996 – Colombo Timelli M. Traductions françaises de l'Ars Minor de Donat au Moyen Age (XIIIe-XVe siècles). Firenze : la Nuova Italia Editrice, 1996. 244 p.
- Dees, 1980 – Dees A. Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. Avec le concours de P. Van Reenen et J. A. De Vries. Tübingen : Niemeyer, 1980. XIII, 371 p.
- Dees, 1987 – Dees A. Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français. Avec le concours de M. Dekker, O. Huber, K. Van Reenen-Stein. Tübingen : Niemeyer, 1987. 684 p.

- Diez, 1874 – Diez Fr. Chr. Grammaire des langues romanes. Trad. de l'allemand par Paris G. B. P., Brachet A., Morel-Fatio A. P. V. T. 2. Paris : A. Franck, 1874. 460 p.
- Dubois, 1531 – Dubois J. Jacobi Sylvii Ambiani In linguam gallicam isagōge, una cum eiusdem grammatica latino-gallica, ex hebraeis, graecis, et latinis authoribus. Paris : R. Estienne, 1531. 10 s.n., 159 p.
- Fallot, 1839 – Fallot G. Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle. Publ. par P. Ackermann. Paris : Imprimerie Royale, 1839. 588 p.
- Foulet, 1932 – Foulet L. Les noms féminins et la déclinaison en ancien français. In: Miscellany of Studies in romance languages & literatures to L. E. Kastner. Cambridge : Heffer, 1932. P. 264–274.
- Foulet, 1950 a – Foulet, L. Sire, Messire // Romania. 1950 a. Vol. 71, N 281. P. 1–48.
- Foulet, 1950 b – Foulet, L. Sire, Messire (deuxième article) // Romania. 1950 b. Vol. 71, N 282. P. 180–221.
- Foulet, 1951 a – Foulet, L. Sire, Messire (troisième article) // Romania. 1951 a. Vol. 72, N 285. P. 31–77 .
- Foulet, 1951 b – Foulet, L. Sire, Messire // Romania (quatrième article). 1951 b. Vol. 72, N 287. P. 324–367.
- Foulet, 1951 c – Foulet, L. Sire, Messire // Romania (cinquième et dernier article). 1951 c. Vol. 72, N 288. P. 479–528 .
- Génin, 1845 – Génin Fr. Des variations du langage français depuis le XIIIe siècle. Paris : Didot frères, 1845. XL, 553 p.
- Grande, 2020 – Grande Grammaire Historique du Français (GGHF). Marchello-Nizia C., Combettes B., Prévost S., Scheer T. (Eds.). Vol. 1–2. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2020. LIV, 2186 p.
- Grübl, 2015 – Grübl K. Ce que les chartes nous apprennent sur la variation et le changement linguistiques au Moyen Âge: l'exemple de la déclinaison bicasuelle de l'ancien français // Revue de Linguistique Romane. 2015. T. 79. P. 5–35.
- Guillaume, 1982 – Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1956–1957. Systèmes linguistiques et successivité historique des systèmes II. Publiées sous la direction de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Québec : Presses de l'Université Laval ; et Lille : Presses Universitaires de Lille, 1982. 310 p.
- Guessard, 1840 – Guessard Fr. Grammaires romanes inédites du treizième siècle // Bibliothèque de l'école des chartes. 1840. T. 1. P. 125–203.
- Littré, 1863 – Littré É. Histoire de la langue française. Etudes sur les origines, l'étymologie, la grammaire, les dialectes, la versification et les lettres du Moyen Age. T. 2. Paris : Librairie Académique Didier et Co, Libraires Editeurs, 1863. 518 p.
- Orthographia Gallica, 1884 – Orthographia Gallica. Ältester Traktat über französische Aussprache und Orthographie. Nach vier Handschriften zum ersten Mal hsg von J. Stürzinger. Heilbronn : Henninger, 1884. XLVI, 52 S.
- Raynouard, 1816 – Raynouard Fr.-J.-M. Éléments de la grammaire de la langue romane, avant l'an 1000, précédés de recherches sur l'origine et la formation de cette langue. Paris : Firmin Didot, 1816. iij, 105 p.
- Raynouard, 1821 – Raynouard Fr.-J.-M. Grammaire comparée des langues de l'Europe latine dans leurs rapports avec la langue des troubadours. Paris, Didot, 1821. LXVIII, 412 p.
- Raynouard, 1836 – Raynouard Fr.-J.-M. Lexique roman: ou, Dictionnaire de la langue des troubadours, comparée avec les autres langues de l'Europe latine; précédé de nouvelles recherches historiques et philologiques, d'un résumé de la grammaire romane, d'un nouveau choix des poésies originales des troubadours, et d'extraits de poèmes divers. 1–2 vol. Paris : Imprimerie de Crapelet, 1836. xcij, 536 p.
- Rivarol, 1784 – Rivarol A. De l'universalité de la langue française. Discours qui a emporté le Prix de l'Académie de Berlin. Berlin : Académie de Berlin, 1784. 92 p.
- Schøsler, 1984 – Schøsler L. La déclinaison bicasuelle de l'ancien français. Son rôle dans la syntaxe de la phrase, les causes de sa disparition. Odense : Université d'Odense, 1984. 321 p.
- Schøsler, 1997 – Schøsler L., Van Reenen P. La déclinaison en ancien et moyen français, deux tendances contraires. In: Actes du VIIIe Colloque international sur le moyen français. Paris: Didier, 1997. P. 595–612.
- Sibille, 2003 – Sibille J. La passion de saint André, drame religieux de 1512. Edition critique, étude linguistique comparée. Thèse de Doctorat Nouveau Régime. T. 1–2. Lyon : Université Lumière Lyon 2. 2003. 699 p.

- Sornicola, 2007 – Sornicola R. Riflessione sullo studio del cambiamento morfosintattico dalla prospettiva di un romanista: sincronia e diacronia rivisitate // *Revue de Linguistique Romane*. 2007. T. 71. P. 5–64.
- Spence, 1971 – Spence N. C. W. La survivance des formes du nominatif latin en français. Fréquence ou analogie? // *Revue Romane*. 1971. T. 6–1. P. 74–84.
- Stanovaia, 1993 – Stanovaia L. A. Sur la déclinaison bicasuelle en ancien français: point de vue scriptologique // *Travaux de Linguistique et de Philologie Romane*. 1993 (XXXI). P. 163–182.
- Stanovaia, 2007 – Stanovaia L. A. Traits typiques des scripta anglo-normandes // *Actes du XXIVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes / Éd. par D. Trotter*. T. II. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2007. P. 423–440.
- Stanovaia, 2012 – Stanovaia L. A. Deux types de normes scripturales dans la représentation graphique de la déclinaison nominale en ancien français // M. Barra-Jover, G. Brun-Trigaud, J.-Ph. Dalbera, P. Sauzet & T. Scheer (eds). *Études de linguistique gallo-romane*. Paris : Presses Universitaires de Vincennes, 2012. P. 295–322.
- Stanovaia, 2021 – Stanovaia L. A. Le dialecte et les scripta franciens: particularités de scripta franciennes // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2021 (2). P. 108–137. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2021_2_108
- Stengel, 1879 – Stengel E. Die ältesten Anleitungsschriften zur Erlernung der französischen Sprache // *Zeitschrift für neufranzösische Sprache und Litteratur*. 1879. N 1. P. 1–40.
- Völker, 2003 – Völker H. Skripta und Variation. Untersuchungen zur Negation und zur Substantivflexion in altfranzösischen Urkunden der Grafschaft Luxemburg (1237–1281). Tübingen : Niemeyer, 2003. xv, 309 p.
- Woledge, 1979 – Woledge Br. La syntaxe des substantifs chez Chrétien de Troyes. Genève : Droz, 1979. 200 p.

References

- Dauzat, A. (1956). *Istoriya francuzskogo yazyka* [Histoire de la langue française]. Transl. from French by E. N. Shor. Moscow : Inostrannaya literatura Press. (In Russ.).
- Glukhova, Ju. N. (2001). *Imennaya sintagma v srednefrantsuzskiy period* [Nominal syntagma in the Middle French period]. PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : Herzen State Pedagogical University of Russia. (In Russ.).
- Golubenko, I. B., Stanovaia, L. A. (1985). *Eshhe raz o tipakh skloneniya starofrantsuzskikh sushhestvitel'nykh* [Once again about the types of declension of Old French nouns]. *Kalbotyra* (Vol. XXXV-3, pp. 77–88). (In Russ.).
- Katagoshchina, N. A., Vasil'eva, N. M. (1997). *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of the French language]. Moscow : Diana Press. (In Russ.).
- Kochubey, A. V. (2011). *Istoriya izucheniya neravnoslozhnykh imen v starofrantsuzskom yazyke* [History of the study anisyllabic names in the Old French language]. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*, 71, 74–76. (In Russ.).
- Skrelina, L. M. (2009). *Shkola Guiyoma: psychosystematika* [Guillaume School: psychosystematics]. Moscow : Visschaya shkola Press. (In Russ.).
- Skrelina, L. M., Stanovaia, L. A. (2012). *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. St Petersburg : Herzen State Pedagogical University of Russia Press. (In Russ.).
- Skrelina, L. M., Stanovaia, L. A. (2005). *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of the French language]. Moscow : Vysshaya shkola, 2005. (In Russ.).
- Stanovaia, L. A. (1996). *Vvedenie v skriptologiyu* [Introduction to Scriptology]. St. Petersburg : Zlatoust Press. (In Russ.).
- Shishmarev, V. F. (1952). *Istoricheskaya morfologiya frantsuzskogo yazyka* [Historical morphology of the French language]. Moscow, Leningrad : Academy of Sciences of the USSR Press, 1952. (In Russ.).

- Brunot, F. (1973). *Histoire de la langue française dès origines à nos jours*. T. 1. De l'époque latine à la Renaissance. Paris : Collin (1e tirage 1966).
- Brunot, F., François, A. (1973). *Histoire de la langue française dès origines à nos jours*. T. VI. 2-ème partie (pp. 1409–2194). Paris : Collin (1e tirage 1966).
- Buridant, Cl. (2019). *Grammaire du français médiéval (XIe–XIVe siècles)*. Strasbourg : ELIPHI. XXIV.
- Chambon, J. P. (2003). La déclinaison en ancien occitan, ou: comment s'en débarasser? Une réanalyse descriptive non orthodoxe de la flexion substantivale. *Revue de Linguistique Romane*, 67, 343–363.
- Colombo Timelli, M. (1996). *Traductions françaises de l'Ars Minor de Donat au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles)*. Firenze : la Nuova Italia Editrice.
- Dees, A. (1980). *Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle*. Avec le concours de P. Van Reenen et J. A. De Vries. Tübingen : Niemeyer. XIII.
- Dees, A. (1987). *Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français*. Avec le concours de M. Dekker, O. Huber, K. Van Reenen-Stein. Tübingen : Niemeyer.
- Diez, Fr. Chr. (1874). *Grammaire des langues romanes*. Trad. de l'allemand par Paris G. B. P., Brachet A., Morel-Fatio A. P.V. T. 2. Paris : A. Franck.
- Dubois, J. (1531). *Jacobi Sylvii Ambiani In linguam gallicam isagōge, una cum eiusdem grammatica latino-gallica, ex hebraeis, graecis, et latinis authoribus*. Paris : R. Estienne.
- Fallot, G. (1839). Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle. Publ. par P. Ackermann. Paris : Imprimerie Royale.
- Foulet, L. (1932). Les noms féminins et la déclinaison en ancien français. In *Miscellany of Studies in romance languages & literatures to L. E. Kastner* (pp. 264–274). Cambridge : Heffer.
- Foulet, L. (1950 a). Sire, Messire. *Romania*, 71 (281), 1–48.
- Foulet, L. (1950 b). Sire, Messire (deuxième article). *Romania*, 71 (282), 180–221.
- Foulet, L. (1951 a). Sire, Messire (troisième article). *Romania*, 72 (285), 31–77.
- Foulet, L. (1951 b). Sire, Messire (quatrième article). *Romania*, 72 (287), 324–367.
- Foulet, L. (1951 c). Sire, Messire (cinquième et dernier article). *Romania*, 72 (288), 479–528.
- Génin, Fr. (1845). *Des variations du langage français depuis le XIIIe siècle*. Paris : Didot frères. XL.
- Marchello-Nizia, C., Combettes, B., Prévost, S., Scheer, T. (Eds.). (2020). Grande Grammaire Historique du Français (GGHF). Vol. 1–2. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton. LIV.
- Grübl, K. (2015). Ce que les chartes nous apprennent sur la variation et le changement linguistiques au Moyen Âge: l'exemple de la déclinaison bicasuelle de l'ancien français. *Revue de Linguistique Romane*, 79, P. 5–35.
- Guillaume, G. (1982). *Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1956–1957. Systèmes linguistiques et successivité historique des systèmes II. Publiées sous la direction de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly*. Québec : Presses de l'Université Laval, et Lille : Presses Universitaires de Lille.
- Guessard, Fr. (1840). Grammaires romanes inédites du treizième siècle. *Bibliothèque de l'école des chartes*, 1, 125–203.
- Litttré, É. (1863). *Histoire de la langue française. Etudes sur les origines, l'étymologie, la grammaire, les dialectes, la versification et les lettres du Moyen Age*. T. 2. Paris: Librairie Académique Didier et Co, Libraires Editeurs.
- Orthographia Gallica. (1884). Ältester Traktat über französische Aussprache und Orthographie. Nach vier Handschriften zum ersten Mal hsg von J. Stürzinger (XLVI). Heilbronn : Henninger.
- Raynouard, Fr.-J.-M. (1816). *Éléments de la grammaire de la langue romane, avant l'an 1000, précédés de recherches sur l'origine et la formation de cette langue*. Paris : Firmin Didot.
- Raynouard, Fr.-J.-M. (1821). *Grammaire comparée des langues de l'Europe latine dans leurs rapports avec la langue des troubadours (LXVIII)*. Paris : Didot.
- Raynouard, Fr.-J.-M. (1836). *Lexique roman: ou, Dictionnaire de la langue des troubadours, comparée avec les autres langues de l'Europe latine; précédé de nouvelles recherches historiques et philologiques, d'un résumé de la grammaire romane, d'un nouveau choix des poésies originales des troubadours, et d'extraits de poèmes divers*. 1–2 vol. Paris : Imprimerie de Crapelet.
- Rivarol, A. (1784). *De l'universalité de la langue française. Discours qui a emporté le Prix de l'Académie de Berlin*. Berlin, Académie de Berlin.

- Schösler, L. (1984). *La déclinaison bicasuelle de l'ancien français. Son rôle dans la syntaxe de la phrase, les causes de sa disparition*. Odense : Université d'Odense.
- Schösler, L., Van Reenen, P. (1997). La déclinaison en ancien et moyen français, deux tendances contraires. In *Actes du VIIIe Colloque international sur le moyen français* (pp. 595–612). Paris : Didier.
- Sibille, J. (2003). *La passion de saint André, drame religieux de 1512. Edition critique, étude linguistique comparée*. Thèse de Doctorat Nouveau Régime. T. 1–2. Lyon : Université Lumière Lyon 2.
- Sornicola, R. (2007). Riflessione sullo studio del cambiamento morfosintattico dalla prospettiva di un romanista: sincronia e diacronia rivisitate. *Revue de Linguistique Romane*, 71, 5–64.
- Spence, N. C. W. (1971). La survivance des formes du nominatif latin en français. Fréquence ou analogie? *Revue Romane*, 6–1, 74–84.
- Stanovaia, L. A. (1993). Sur la déclinaison bicasuelle en ancien français: point de vue scriptologique. *Travaux de Linguistique et de Philologie Romane*, XXXI, 163–182.
- Stanovaia, L. A. (2007). Traits typiques des scripta anglo-normandes. In D. Trotter (Ed.), *Actes du XXIVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes* (T. II, pp. 423–440). Tübingen : Max Niemeyer Verlag.
- Stanovaia, L. A. (2012). Deux types de normes scripturales dans la représentation graphique de la déclinaison nominale en ancien français. In M. Barra-Jover, G. Brun-Trigaud, J.-Ph. Dalbera, P. Sauzet, T. Scheer (Eds), *Études de linguistique gallo-romane* (pp. 295–322). Paris : Presses Universitaires de Vincennes.
- Stanovaia, L. A. (2021). Le dialecte et les scripta franciens: particularités de scripta franciennes. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk* [Crede Experto: Transport, society, education, language], 2, 108–137. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2021_2_108
- Stengel, E. (1879). Die ältesten Anleitungsschriften zur Erlernung der französischen Sprache. *Zeitschrift für neufranzösische Sprache und Litteratur*, 1, 1–40.
- Völker, H. (2003). Skripta und Variation. *Untersuchungen zur Negation und zur Substantivflexion in altfranzösischen Urkunden der Grafschaft Luxemburg* (pp. 1237–1281). Tübingen : Niemeyer.
- Woledge, Br. (1979). *La syntaxe des substantifs chez Chrétien de Troyes*. Genève : Droz.

Статья поступила в редакцию 02.04.2021; одобрена после рецензирования 29.05.2021; принята к публикации 01.10.2021.

The article was submitted 02.04.2021; approved after reviewing 29.05.2021; accepted for publication 01.10.2021.